

УДК 347.91/.95

DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9024>

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС РОССИИ И ФРАНЦИИ: ПРИНЦИПЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ДИСПОЗИТИВНОСТИ

А. В. Аргунов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Поступила в редакцию 30 января 2022 г.

Аннотация: анализируются и сравниваются базовые основы (принципы) гражданского процессуального права России и Франции. Отмечается разновекторность эволюции французской и российской моделей процесса. Выявляются нормы, вызывающие трудности в судебной практике, а также пробелы в процессуальном праве. Предлагается обратить внимание на ряд норм, закрепленных в ГПК Франции, с целью обсуждения целесообразности их имплементации в российское право.

Ключевые слова: гражданский процесс, принцип состязательности, принцип диспозитивности, модель гражданского процесса, гражданский процесс Франции, правовое основание иска.

Abstract: the article examines and compares the basic foundations (principles) of civil procedural law in Russia and France. The different vectors of the evolution of the French and Russian models of the process are noted. The article identifies norms that cause difficulties in judicial practice, as well as gaps in procedural law. It is proposed to pay attention to a number of norms enshrined in the Code of Civil Procedure of France in order to discuss the feasibility of their implementation in Russian law.

Key words: civil procedure, adversarial principle, principle of party disposition, model of civil procedure, civil procedure in France, legal basis of the claim.

Гражданский процесс Франции в нашей доктрине относится к типу континентального, либерального, состязательного процесса. Однако к моменту принятия ГПК Франции 1975 г. он значительно социализировался. В то время французы ориентировались на немецкую доктрину. Один из отцов реформы – Анри Мотульски (Henri Motulsky) жил и учился в Германии и был сторонником немецких процессуальных доктрин¹.

Отечественный гражданский процесс в советское время представлял собой вариант следственного типа процесса, в рамках которого было найдено «радикальное коммунистическое решение»² его традиционных проблем (стоимость, длительность, доступность). Ключевыми идеями

¹ См.: *Motulsky H. Ecrits. Etudes et notes de procédure civile. Preface de Georges Ffolard. Dalloz, Paris. 2009.*

² Выражение М. Каппеллетти (см.: *Cappelletti M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe // 69 Michigan Law Review 847. 1971. P. 879).*

этой модели процесса были: объективная истина, законность, активность суда. Эти принципы имели большее значение по сравнению с состязательностью и диспозитивностью, поэтому последние принципы получили свое «советское» прочтение, которое значительно отличалось от принятого у нас до революции и в европейской доктрине³.

После смены политического курса страны и перехода на либеральные рельсы в начале 1990-х гг. основные несущие опоры гражданского процесса были несколько переосмыслены. Доктринально и на уровне закона была осуществлена попытка вернуться к принятому в Европе и у нас до революции пониманию базовых принципов процесса, при этом сохранив «лучшее» из советских достижений. Это привело к тому, что наше процессуальное право как гражданское, так и арбитражное – это новая нормативная модель, не имеющая прямых аналогов за рубежом (за исключением постсоветских стран). Смещение двух моделей процесса – советской и либеральной привело к ряду противоречий, которые за 20 лет действия ГПК РФ и АПК РФ выявлялись и устранялись (например, надзор, советская кассация).

Однако в общих чертах, как представляется, российский законодатель и доктрина так и не смогли отойти от советского прочтения принципов состязательности и диспозитивности. Например, нормы об определении предмета доказывания, о процессуальных соглашениях в отношении фактов, несвязанности суда правовым основанием иска, проверочных инстанциях (право выйти за пределы жалоб в интересах законности) при наличии довольно широких пределов усмотрения судей – всё это остаточные явления советского процессуального права.

Именно они на практике позволяют судьям быть реальными хозяевами процесса и иногда «выдавать» непредсказуемый для сторон результат. Суд вправе и обязан дополнить дело любыми фактами, которые он считает имеющими отношение к делу, дать иную юридическую квалификацию фактам, о которых заявляют стороны. В результате оказывается, что судья не связан ни фактическим основанием иска, ни юридическим. Единственное, что не вправе изменить суд по своей воле – это исковое требование. Но требование, с учетом возможности переквалификации фактов, представляет скорее тот материальный интерес, который пытается реализовать истец, то фактическое, социальное благо, на которое он претендует. Ни набор фактов, предложенный сторонами, ни правовой режим требований и возражений не связывают российский суд. В какую правовую форму облечь требования и возражения по-прежнему зависит от суда.

Арбитражный процесс, в сравнении с гражданским, за последние 20 лет развивался в сторону усиления начал состязательности и диспозитивности, что выразилось во многом в «переложении» ответственности за

³ См.: *Клейнман А. Ф.* Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1940–1941.

судьбу процесса с суда на стороны. Однако это заметно скорее в деталях (например, нормы об извещении, практика в отношении злоупотреблений процессуальным правом), но несущие опоры арбитражного процесса и общие нормы практически неотличимы от гражданского.

Зарубежное процессуальное право, на которое традиционно ориентируются российские процессуалисты – немецкое, французское и английское, в течение XX в. медленно двигалось в сторону усиления активности суда, т. е. ограничения возможностей сторон влиять на процесс и возложения большей ответственности за процесс на суд. Самым популярным процессуалистом XX в. в Европе можно смело назвать жившего на рубеже XIX и XX вв. Франца Кляйна с его идеями социального процесса.

Таким образом, с определенной долей условности можно сказать, что отечественное гражданское (особенно арбитражное) процессуальное право движется по иной траектории в сравнении с зарубежным – от советского гиперактивного судьи, обязанного выяснить объективную истину и восстановить социалистическую законность, к пассивному судье-идолу, арбитру в спортивно-юридическом соревновании юристов. В то же время европейский процесс сегодня маленькими шажками движется по тому пути, который мы одним «махом» преодолели в 1917 г.

Весь дьявол, конечно, в деталях, нахождении баланса прав и обязанностей сторон и суда, их совместной ответственности за судьбу спора. Наш гражданский процесс этот баланс устанавливает в сторону активного судьи, что позволяет сторонам сохранять известную пассивность. Зарубежные модели, конечно, различны в этом отношении – в Германии активность судьи максимально высокая среди европейских стран, во Франции нормативная модель близка к немецкой, но на практике все еще сильно восприятие процесса как дела исключительно сторон, в Англии же суд, несмотря на активное внедрение case management, все еще остается довольно пассивным.

Ключевой вопрос, на который стоит ответить, если рассуждать о дальнейшем развитии нашего процесса – куда мы хотим двигаться – в либеральный XIX в., социалистический XX в. или остановиться на том варианте их смешения, который был достигнут в действующих процессуальных кодексах.

Должны ли мы повышать ответственность суда за судьбу процесса или сторон? Можем ли мы сказать, что наши граждане готовы брать на себя ответственность за свои судебные споры? Или они ждут опеки со стороны государства, суда, ждут, что суд «разберется» и обнаружит правду, вынесет справедливое решение. Готовы ли граждане платить за юридическую помощь? Формализм суда, строгость процессуальных документов, процессуальных сроков – всё это повышает скорость процесса, а также его стоимость для граждан – сами они вряд ли смогут разобраться в деталях. Должен ли арбитражный процесс развиваться по иной траектории только на том основании, что большинство сторон здесь представлено юристами и можно говорить о большей «профессионализации» процесса в сравнении с гражданским? Иная траектория – это иной баланс процес-

суальных рисков, прав, обязанностей и в конечном счете ответственности за судьбу дела суда и сторон. Можно ли вообще достигнуть удобоваримого смещения либеральной и социальной модели, если глубинное противоречие между ними обнаруживается даже не на уровне принципов процесса, а на уровне политической философии⁴.

Учитывая изложенное в качестве вводных данных для дальнейшего рассуждения, обратимся к французском гражданскому процессу. Эта модель, как уже было сказано, находится где-то между немецкой и английской на шкале активность / ответственность за судьбу процесса суда или сторон.

Опишем вкратце с точки зрения основных идей эту нормативную модель и обратим внимание на те нормы, которые могут быть интересными как заимствования в наш правовой порядок.

1. Роль сторон в отношении движения процесса.

Возбуждение, движение и окончание процесса зависят от воли сторон. Эта идея воплощена в принципе «импульса процесса» (*principe d'impulsion*), но мало чем отличается от российского понимания принципа диспозитивности в его формальном аспекте⁵ – стороны вправе предъявить иск, вправе отказаться от него, вправе закончить дело мировым соглашением и т. д. Но есть и интересные детали, не нашедшие закрепления в нашем правовом порядке (однако известные нашему дореволюционному праву). Например, истец вправе отказаться не только от иска (от самого материального права, которое защищается иском), но и от процесса с возможностью в дальнейшем снова обратиться с тождественным иском.

Отказ от иска возможен только в отношении тех прав, которыми истец может распоряжаться по своему усмотрению, и влечет невозможность предъявления тождественного иска. Суд обязан принять такой отказ ввиду того, что он всегда выгоден ответчику, и его права затронуты быть не могут, а истец выразил свою волю, в которую государство не вправе вмешиваться.

Возможность отказа от процесса нормативно закреплена в ст. 385 ГПК Франции и обставлена рядом условий. Главным из них является необходимость получения согласия ответчика, если тот вступил в дело и заявил возражения на иск по существу или эксцепции, направленные на прекращение производства по делу. Несогласие ответчика должно быть обоснованным. Суд вправе и при отсутствии обоснования прекратить производство по делу. Истец обязан возместить ответчику судебные расходы, если стороны не договорятся об ином (ст. 399 ГПК Франции).

У ответчика имеется возможность не только признать иск, но и признать судебное решение.

⁴ См.: *Аргунов А. В.* О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2021. № 7. С. 3–7.

⁵ См.: *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса : субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016. С. 343–348.

Признание иска возможно на любой стадии процесса и означает согласие ответчика с требованиями истца. Так же как и отказ от иска, признание иска возможно лишь при условии возможности стороны свободно распоряжаться своим материальным правом. Поэтому в делах, возникших из публично-правовых отношений признание иска невозможно. Судебные расходы возмещает лицо, признавшее иск.

Признание судебного решения означает отказ стороны от права на его обжалование. Оно подлежит безоговорочному принятию судом (ст. 409 ГПК Франции). Отказ от права на обжалование возможен даже до момента вынесения судебного решения, при условии, что процесс уже возник.

2. Роли сторон и суда в отношении определения предмета процесса.

Предметом процесса является спор сторон. Предмет спора определяется сторонами. Понятие предмета спора имеет дискуссионный характер, но, как правило, его определяют как экономическое или моральное преимущество, в отношении которого имеется разногласие у сторон и которому соответствует определенный правовой режим его реализации⁶. Согласно ст. 4 ГПК Франции предмет спора выявляется на основе требования истца и возражений ответчика (или его встречного требования). На сторонах также лежит бремя утверждения о фактах, на которых они основывают свои требования и возражения и бремя их доказывания. Все эти идеи связываются французскими процессуалистами с принципом диспозитивности (в России соотношение ролей сторон и суда в сфере доказывания традиционно относятся к сфере принципа состязательности).

Казалось бы, ничего нового тут для отечественного процессуального права нет. Как и во Франции, в России суд не вправе выходить за пределы требований сторон (*ultra petita* и *extra petita*) или отказать в рассмотрении какого-либо требования (*infra petita*). Однако в отличие от российского гражданского и арбитражного процесса во Франции суд не вправе ввести в процесс те факты, на которые стороны не ссылались (т. е. ответственность за определение предмета доказывания лежит на сторонах). В отличие от российского гражданского процесса французский суд вправе по ходатайству стороны спора истребовать у другой стороны или у любого иного лица доказательство под угрозой применения астрента (ст. 11 ГПК Франции). С учетом недавнего появления в российском праве этого правового инструмента представляется необходимым расширить его применение и пойти по французскому пути – взыскивать астрент с недобросовестной стороны спора, утаивающей доказательства.

Главное «напряжение» французской модели процесса состоит в соотношении идеи связанности суда фактами, на которые ссылаются стороны, и свободы суда дать их юридическую квалификацию.

ГПК Франции 1975 г. в первой редакции предусматривал, что стороны (истец в исковом заявлении, а ответчик в своих возражениях) не обя-

⁶ Strickler Y., Varnek A. Procédure civile. 9-e ed. Bruylant, Bruxelles. 2020. P. 203.

заны приводить правовое обоснование своих требований и возражений. Французское право, по мысли процессуалистов, следует римским максимам *iura novit curia* (суд знает право) и *Da mihi factum dabo tibi jus* (дай мне факты и я дам тебе право)⁷.

Однако в 1998 г. в ГПК Франции были внесены изменения, согласно которым при рассмотрении дела в суде большей инстанции и в апелляции стороны обязаны приводить правовое основание своих требований и возражений. В исковом заявлении, направляемом ответчику (*l'assignation*) под угрозой его ничтожности, должна быть также указана правовая квалификация фактов. Реформа была направлена на облегчение задачи суда и более четкого определения предмета спора самими сторонами.

В то же время в ГПК Франции сохранились и положения ст. 12, согласно которым суд обязан дать или восстановить правильную квалификацию спорным фактам и действиям, не связывая себя той квалификацией, которую приводят стороны.

Итак, обязательна ли для суда юридическая квалификация фактов, данная сторонами? Обязан ли суд, если он видит, что квалификация неверна, предложить правильную и обязан ли, если предлагает, поставить этот вопрос на обсуждение сторон? Связан ли он их позицией в отношении этой правильной квалификации? Может ли суд предложить сторонам сослаться на факты, на которые они не ссылались ввиду того, что предполагали иную юридическую квалификацию?

Указанные вопросы очерчивают поле для дискуссий современных французских процессуалистов⁸. Однако прежде чем привести данные о том, каково общее мнение во французской науке и судебной практике по этим вопросам, обратимся к отечественному процессуальному праву и спросим себя: а как дело обстоит у нас? Оказывается, что в российском правопорядке аналогичные вопросы даже не возникают. Это обусловлено тем, что в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ закреплена одна и та же идея – суд не только вправе, но и обязан указать сторонам на все имеющие значение для дела факты. Суд обязан определить единственно верную юридическую квалификацию фактов, не связывая себя позициями сторон, и вдобавок к этому включить в предмет доказывания все факты, которые имеют значение для дела в связи с этой правильной юридической моделью спора. При этом в российском праве мы не найдем нормы, обязывающей суд поставить вопрос о правильности юридической квалификации на обсуждение сторон. Кроме того, правильную юридическую квалификацию фактов суд может определить не только в первой, но и в проверочных инстанциях. Например, на это специально обращается внимание

⁷ Эти идеи отстаивал в своих трудах Анри Мотульски.

⁸ Подробнее о позициях Кассационного суда Франции по этим вопросам см.: *Аргунов А. В.* Правовое основание спора во французском гражданском процессе // Вестник экономического правосудия. 2015. № 4. С. 127–139.

в недавнем постановлении Пленума Верховного Суда РФ о кассации в гражданском процессе⁹.

С одной стороны, в России не возникает сложностей и дискуссий по этому поводу, а с другой – принцип диспозитивности и свобода сторон спора в нашей модели очевидно ограничены. На практике это приводит иногда к непредсказуемым для сторон судебным решениям или сказывается очевидной потерей времени (когда правильная квалификация выявляется на третьем круге рассмотрения дела). С учетом таких негативных последствий, возможно, нам стоит обратиться к французскому опыту для поиска ответов на эти сложные вопросы и в конечном счете изменения российского процессуального права.

Во Франции вышеуказанные вопросы решаются следующим образом.

Во-первых, суд не связан той правовой квалификацией, которую дают фактам стороны, за двумя исключениями, которые прямо оговорены в законе. Первое исключение – правило о том, что связан юридической квалификацией, правовым основанием требований и возражений, если стороны прямо договорились об этом при условии, что речь идет о правах, которыми стороны могут свободно распоряжаться (ч. 3 ст. 12 ГПК Франции). При этом простого совпадения во мнениях сторон о правовой квалификации (например, обнаружившегося в выступлениях или в процессуальных документах) недостаточно, чтобы сделать вывод о наличии такого соглашения¹⁰. Второе выводится из требования о связанности суда требованиями сторон. Если изменение правовой квалификации требования меняет само требование, понимаемое как материальный или моральный интерес, преследуемый сторонами, суд не вправе пойти на это.

Во-вторых, суд обязан *ex officio* дать правовую квалификацию только в случае, если стороны этого не делают. Такое возможно в очень редких случаях, поскольку, как уже было упомянуто, в исковом заявлении должны быть указаны нормы права, на которых истец основывает свое требование под угрозой ничтожности вызова ответчика в суд (возбуждения производства по делу). Однако поскольку вопрос о такой ничтожности может быть поставлен только ответчиком, поэтому если он его не ставит, а истец не привел правового основания иска, то его должен предложить суд. Во всех остальных случаях речь идет об исправлении неверной правовой квалификации, предложенной стороной спора. В таком случае, как полагает Кассационный суд Франции, судья вправе, но не обязан предложить иную возможную правовую квалификацию. Однако и тут есть исключения – если речь идет о применении некоторых норм процессуального права (за соблюдением которых в силу закона судья следит *ex officio*) и норм публичного порядка (*l'ordre public*).

⁹ О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 (п. 35). URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/30138>

¹⁰ См.: *Strickler Y., Varnek A. Procédure civile. 9-e ed. Bruylant, Bruxelles. 2020. P. 218.*

В-третьих, во французской доктрине проводится разграничение между средствами чистого права (*de moyens de pur droit*) и смешанными юридико-фактическими средствами. Средства чистого права – это доводы правового плана, которые можно применить, не меняя набора фактов, приведенных сторонами, не выясняя дополнительные факты. Суд обязан применить их *officio* средства чистого права, когда стороны не привели вообще правового обоснования и когда они дают неправильную квалификацию фактам. Если же речь идет о том, что для применения нового правового основания судье требуется рассмотрение фактов, на которые стороны специально не ссылались, то судья только лишь вправе поставить на обсуждение сторон это иное правовое обоснование, но не обязан это делать. Из этого разграничения можно сделать вывод, что суд не обязан включать в предмет доказывания факты, если он меняет правовую квалификацию, но вправе сообщить сторонам, что в связи с этим изменением будет меняться предмет доказывания.

В-четвертых, одним из проявлений принципа состязательности во французском процессе считается наличие обязанности суда все процессуальные действия, предпринимаемые судом *ex officio* (например, переквалификация фактов, приведенных сторонами), ставить на обсуждение сторон. Согласно п. 3 ст. 16 ГПК Франции, суд не имеет права мотивировать свое решение правовыми доводами, которые он выдвинул по своей инициативе, не предложив предварительно сторонам представить свои соображения.

Таким образом, французский гражданский процесс эволюционирует в сторону австро-немецкой социальной модели процесса, для которой характерна повышенная активность суда и концентрация процесса. Однако французы пытаются найти баланс между своими традициями либерального процесса, основанного на профессиональном представительстве, и современными требованиями эффективности, ведущими неизменно к повышению активности суда. Несмотря на то что они двигаются по «встречной» траектории по сравнению с нами, некоторые решения трудных проблем теории и практики, имеющиеся во французском процессуальном праве, вполне могут быть востребованными и в России.

Библиографический список

Аргунов А. В. О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7.

Аргунов А. В. Правовое основание спора во французском гражданском процессе // Вестник экономического правосудия. 2015. № 4.

Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса : субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016.

Клейнман А. Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1940–1941.

Cappelletti M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe // 69 Michigan Law Review 847. 1971.

Motulsky H. Ecrits. Etudes et notes de procédure civile. Preface de Georges Bolard. Dalloz, Paris, 2009.

Strickler Y., Varnek A. Procédure civile. 9-e ed. Bruylant, Bruxelles, 2020.

References

Argunov A. V. On the relationship of political ideology and procedural law // Arbitration and civil process. 2021. № 7.

Argunov A. V. Legal basis of the dispute in the French civil procedure // Bulletin of economic justice. 2015. № 4.

Vaskovsky E. V. The course of civil procedure: subjects and objects of the process, procedural relations and actions. M. : Statut, 2016.

Kleinman A. F. The main institutions of the Soviet civil process and the principles of discretion and competition : Dis. ... Dr. jurid. sciences. M., 1940–1941.

Cappelletti M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe // 69 Michigan Law Review 847. 1971.

Motulsky H. Ecrits. Etudes et notes de procédure civile. Preface de Georges Bolard. Dalloz, Paris, 2009.

Strickler Y., Varnek A. Procédure civile. 9-e ed. Bruylant, Bruxelles, 2020.

Для цитирования:

Аргунов А. В. Гражданский процесс России и Франции: принципы состязательности и диспозитивности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9024>

Recommended citation:

Argunov A. V. The civil process of Russia and France: the adversarial and dispositional principles // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 1 (48). P. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9024>

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аргунов А. В., кандидат юридических наук, доцент департамента систем судопроизводства и уголовного права

E-mail: argunov1@mail.ru

National Research University «Higher School of Economics»

Argunov A. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Judicial Systems and Criminal Law Department

E-mail: argunov1@mail.ru